

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А.Ю. РУДНИЦКИЙ

*доктор исторических наук,
заместитель директора историко-
документального департамента МИД РФ,
г. Москва*

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ПО СТРАНИЦАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

События, связанные с завершением Второй мировой войны, по-прежнему находятся в центре международного внимания. Во многом это связано с попытками подвергнуть ревизии итоги войны, приуменьшить вклад Советского Союза в победу над милитаристской Японией, представить его, как «агрессора», не пожелавшего откликнуться на мирные предложения Токио, оправдать применение США атомного оружия.

С учетом того размаха, который в последнее время приобрели попытки предвзятого «прочтения» прошлого, автор счел уместным обратиться к ряду документов Архива внешней политики Российской Федерации, которые проливают дополнительный свет на некоторые особенности советско-японских дипломатических контактов и деятельности посольства СССР в Токио в период войны.

Со времени подписания Пакта о нейтралитете между СССР и Японией (13 апреля 1941 г.) советская сторона не испытывала иллюзий относительно того, что он станет действенной гарантией «мирных и дружественных отношений» с Японией, как было записано в одной из его статей¹. Сотрудники НКВД (Народного комиссариата иностранных дел) знали цену этой договоренности и конъюнктурный характер отношения к ней Токио.

Едва ли в апреле 1941 г. кто-либо мог предугадать, что пакт о нейтралитете окажется более долговечным, нежели пакт о ненападении. Впрочем, причины этого коренились не в юридической основательности советско-японского пакта и не в готовности Токио неотступно соблюдать свои обязательства. Японцы руководствовались прагматическим расчетом, собираясь напасть на Советский Союз после того, как они добьются решающего успеха в Восточной Азии, а германские войска — на Восточном фронте. При ином раскладе война на два фронта могла иметь губительные последствия для Страны восходящего солнца, что, собственно, и подтвердилось позднее, в августе 1945 г.

«Никто не знает, как долго Япония будет соблюдать пакт о нейтралитете, – писал В.М.Молотову 19 декабря 1941 г. его заместитель С.А.Лозовский. – Все зависит от того, сколько времени японцы будут брать Гонконг, Филиппины и Сингапур. Если в этих операциях японцы понесут большие потери, то нападение на Советский Союз может затянуться до позднего лета. Если же японцы быстро справятся с этими тремя объектами, то нападения можно ожидать ранней весной².

Тот факт, что Япония воздержалась от агрессии против СССР объяснялся, прежде всего, объективными обстоятельствами: поражениями гитлеровцев под Москвой и Сталинградом и ходом боевых действий на Тихом океане.

Формально не нарушая пакт, Токио на протяжении всех военных лет проводил в отношении СССР отнюдь не «мирную и дружественную» политику. Не надо забывать, что Япония была ближайшим союзником Третьего рейха, который вел против советского государства войну на уничтожение. Даже в последние дни существования Третьего рейха японцы упорно не желали отказаться от союза с Германией.

Сразу после смерти Гитлера газета «Ниппон таймс», которую советское посольство характеризовало, как «рупор японского МИД», весьма эмоционально выразила глубокую скорбь по поводу этого события. Статья называлась «Бессмертное влияние фюрера Гитлера». Он превозносился как «величайший апостол просвещенного прогресса», «идеолог концепции нового мирового порядка» и «организатор рационального контроля в Европе, который должен был заменить старую эпоху самоубийственного эгоизма и анархии». Крах гитлеризма объявлялся результатом происков «черных сил реакции», то есть Советского Союза и его партнеров по антигитлеровской коалиции³.

В течение тех лет, которые действовал Пакт о нейтралитете, Япония, угрожая нападением на СССР, сковывала на Дальнем Востоке, на маньчжурско-советской границе значительные силы Красной Армии, которые в ином случае могли быть переброшены на Западный фронт для борьбы с гитлеровцами. По определению А.А. Кошкина, это была форма косвенного, но весьма эффективного участия Японии в войне против Советского Союза. Эта война затягивалась по вине Токио, «увеличивая жертвы советского народа»⁴.

С японской стороны имели место многочисленные нарушения государственной границы СССР, частые инциденты и провокации, обстрелы советской территории, предоставление разведывательной информации и материальной помощи Германии, потопление советских гражданских судов. Все это, как подчеркивает такой авторитетный специалист по истории советско-японских отношений, как академик С.Л. Тихвинский, являлось неоднократными нарушениями условий и договоренностей, зафиксированных в Пакте о нейтралитете⁵.

Японские власти всячески осложняли работу советских загранучреждений в Японии, старались изолировать их, затрудняли передвижение дипломатов. Вопиющим фактом стала попытка в мае 1943 г. обнести консульство в Хакодате (о. Хоккайдо) высоким забором⁶.

Японские подводные лодки торпедировали корабли, следовавшие из Владивостока в Петропавловск-Камчатский и другими курсами. Характерно, что они шли маршрутами, разрешенными и утвержденными Токио. Были торпедированы пароходы «Майкоп», «Ильмень», «Ангарстрой», «Кола» и другие. В документах подробно описана гибель парохода «Ильмень», в который подлодка выпустили две торпеды. Он затонул за полторы – две минуты, весь экипаж погиб⁷. Последнее наше судно японцы уничтожили 13 июня, недалеко от острова Ребун (у северо-западного побережья Хоккайдо). Это был пароход «Трансбалт», следовавший из США с грузом продовольствия.

Японцы пытались перевести стрелки на американцев, утверждая, что советские суда топили их подводные лодки. Сомнительно, что ближайший союзник СССР стал бы уничтожать советские суда, тем более, не военные, а торговые.

В гонконгском порту японцы на протяжении более трех лет интернировали и задерживали ремонт нескольких советских кораблей. С них были сняты все приборы, все оборудование⁸. Экипажам не разрешалось вернуться на родину, равно как и десяткам других советских граждан, интернированных в Шанхае, Кантоне (Гуанчжоу) и Гонконге⁹.

Позиция официального Токио в отношении советских граждан и судов изменилась с конца 1944-го – начала 1945 г., когда Япония столкнулась с проблемами, связанными с ее собственными гражданами и запросила советской помощи. Это касалось, например, сотрудников японских загранучреждений в Турции и Болгарии – после разрыва турецко-японских и болгаро-японских дипломатических отношений, и, конечно, тех японцев, которые бежали из Германии и тех стран, в которые входили союзные войска¹⁰.

В каждом из этих случаев советское правительство шло навстречу Токио, предоставляя свободный транзит на родину через территорию СССР японским дипломатам и гражданам. Но условием этой помощи было изменение отношения японцев к советским гражданам, находившимся на контролируемой ими территории. Нет нужды объяснять, почему это отношение быстро изменилось в лучшую сторону.

Из Берлина и других немецких городов вывозились целые группы японцев. В полном составе была вывезена японская торговая миссия (16 человек во главе с посланником). В Кенигсберге советские военные власти спасли японского вице-консула Ода и его слугу¹¹.

На советскую помощь рассчитывали японские граждане, которые бежали из Франции, спасаясь от американцев и англичан. В апреле 1945 г. японский посол в Москве Н. Сато информировал НКВД о 400 или 500 японских подданных, покинувших Францию и находившихся в районе Дрездена. Он просил помочь в установлении их местонахождения и в отправке на родину¹². Отвечая на просьбу Сато, Лозовский с сарказмом замечал, что «если японцы найдутся в районе Дрездена, то мы не станем держать их у себя три года, как

это делали японские власти в отношении советских граждан»¹³. Многих из «дрезденских японцев» удалось найти и эвакуировать на родину через СССР.

Тем временем решался вопрос об участии Советского Союза в войне с Японией. Соглашение, подписанное на Крымской конференции руководителями трех ведущих держав антигитлеровской коалиции 11 февраля 1945 г., предусматривало вступление СССР в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии. Принимая это решение, в Москве, во-первых, исходили из своей верности союзническим обязательствам и, во-вторых, заботились об обеспечении национальной безопасности на Дальнем Востоке, устранении источника агрессии.

В Токио о крымском решении, державшемся в глубоком секрете, тогда так и не узнали. Крупный отечественный исследователь В.П. Сафронов справедливо отмечает: «Секретные договоренности “большой тройки” по Дальнему Востоку в Крыму оказались столь тщательно скрыты от посторонних ушей и глаз, что подозрения японского правительства по данному вопросу так и остались подозрениями, ничем не подтвержденными»¹⁴. Однако то, что развязка близится, в Японии ощущали все более остро. «Откровенно должен Вам сказать, что нам предстоят тяжелые времена», сказал японский консул в Харбине Миякава в беседе с советским послом в Токио Я.А. Маликом 15 февраля 1945 г.¹⁵

Оценивая, поступавшие к нему сведения, Малик докладывал в центр о том, что «в Японии заметно нарастает беспокойство и состояние нервозности, ширятся пессимизм и понимание безнадежности военных перспектив Японии»¹⁶. О возрастающем беспокойстве Токио можно было судить и по поведению Н. Сато, который в Москве упорно ставил вопрос о продлении Пакта о нейтралитете.

Он неоднократно пытался обсудить этот вопрос с В.М. Молотовым, однако тот под тем или иным предлогом не принимал японского посла, что в соответствии с дипломатической практикой не могло рассматриваться иначе, как нежелание обсуждать интересовавшую японца тему. Тем не менее, Сато продолжал настаивать на встрече (понятно, следуя указаниям из Токио), не скрывая, что хочет обсуждать сохранение и пролонгацию Пакта о нейтралитете. В беседах с С.А. Лозовским (в частности, 22 февраля и 25 марта) он говорил, что «был бы счастлив, если бы В.М.Молотов принял его до своего отъезда в Сан-Франциско»¹⁷ – на конференцию союзных держав, посвященную созданию ООН. Лозовский вначале отвечал уклончиво: нарком, мол, «обещал вернуться к этому вопросу, как только найдет подходящее время», а позднее вообще перестал обнадеживать посла, указывая на «занятость» Молотова¹⁸.

5 апреля 1945 г. В.М. Молотов передал Н. Сато советское заявление о денонсации Пакта о нейтралитете. Советская позиция объяснялась тем, что с момента подписания пакта обстоятельства «изменились в корне». Германия напала на СССР, а Япония, будучи союзницей Германии, помогала последней

в войне против СССР. Кроме того указывалось, что Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза¹⁹.

Не располагая достоверной информацией о намерениях Советского Союза, Токио рассчитывал не только удержать его от вступления в войну, но и побудить, как нейтральное дальневосточное государство, сыграть роль посредника между воюющими сторонами – США и Великобританией с одной стороны, и Японией с другой.

С конца 1944 г. советское посольство в Токио регулярно докладывало в центр о попытках японских властей побудить советское правительство взять на себя миротворческие функции и договориться с американцами и англичанами о прекращении военных действий на условиях какого-либо компромисса. За этими попытками стояло стремление Токио не допустить вмешательства Москвы в войну на Тихом океане, избежать безоговорочной капитуляции и не допустить смены в Японии государственного режима, который нес ответственность за развязывание войны и многочисленные военные преступления.

Советское руководство, верное своему союзническому долгу, не допускало и мысли о том, чтобы всерьез рассматривать мирные заходы Токио. В Москве не забывали, что Япония была ближайшим союзником гитлеровской Германии и в период Великой Отечественной войны занимала в отношении СССР далеко не дружественную позицию. Учитывалось также, что своими действиями японские власти, по выражению Лозовского, пытались «настраивать союзников друг против друга», что не входило в планы Москвы. Советскому правительству было известно, что американцы не собирались отходить от своей линии на безоговорочную капитуляцию Японии, и СССР эту позицию поддерживал. Какие-либо договоренности за спиной союзников исключались.

Когда в июле 1945 г. Токио захотел прислать в Москву с «миротворческой миссией» князя Ф. Коноэ – советское руководство отнеслось к этому отрицательно. Посольство оценивало Коноэ как фигуру одиозную – едва ли было возможным садиться с ним за стол переговоров. Он был крупным политическим деятелем крайне правого толка, враждебно относившимся к Советскому Союзу. 7 ноября 1940 г. Коноэ демонстративно отказался прийти в советское посольство на официальный прием по случаю годовщины Октябрьской революции, а теперь, спустя пять лет, понял, что с Советским Союзом надо дружить. Ясное дело, что это был сугубо конъюнктурный расчет, который не мог найти позитивного отклика в Кремле. Можно добавить, что после окончания войны Коноэ попал в список военных преступников.

Тогда же, в июле, Сато передал руководству НКВД послание императора, в котором объявлялось о стремлении Японии к миру. Отношение советского правительства к посланию было обусловлено не только уже упоминавшимся принципиальным политическим курсом СССР, но формальным моментом, тем, как этот документ был составлен. Японские власти не желали, чтобы по-

слание было воспринято, как просьба к Советскому Союзу, с их точки зрения, это, видимо, представлялось унижительным. Поэтому послание, как заметил В.М. Молотов, было «никак не адресовано». На вопрос, заданный в этой связи японскому послу, тот был вынужден подтвердить: да, «оно не адресовано особо кому-либо».

18 июля центр информировал советское посольство: «высказанные в сделанном императором Японии послании соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений». Отмечалось, что никакого «определенного ответа» на послание в связи с этим дано быть не может. Также еще раз констатировалась незаинтересованность советской стороны в приезде Коноэ.

Несмотря на это, японцы продолжали свой «мирный зондаж». В Токио этим занимался бывший премьер-министр и министр иностранных дел К. Хирота. В июле – начале августа 1945 г. он неоднократно напрашивался на прием к Я.А. Малику. Тот, учитывая принципиальную позицию Москвы, старался избегать подобных встреч (свою роль играла и личность Хироты, который, как и Коноэ, отличался антисоветскими взглядами, был причастен к преступной политике милитаристской Японии и впоследствии был арестован и казнен как военный преступник), но все же, соблюдая дипломатические условности, в отдельных случаях вынужден был принимать этого деятеля. В любом случае предложения, которыми Хирота пытался «соблазнить» советскую сторону едва ли могли ее устроить. Главным из них было заключение двустороннего соглашения «о взаимном поддержании мира в Восточной Азии и ненападении». При этом СССР предлагалось довольствоваться весьма скромными уступками со стороны Японии – «нейтралитетом» марионеточного государства Маньчжоу-Го и более широкими правами в области рыбной ловли.

В советском посольстве в Токио понимали, что крах японского милитаристского режима неизбежен. В одном из донесений в центр, датированном 12 июля 1945 г., об этом говорилось в весьма образной форме: «Япония напоминает хищную гиену с лакомым кусочком в зубах, но застигнутую врасплох и неожиданно оказавшуюся перед пастью льва готового каждую минуту броситься на нее». В то же время дипломаты не располагали точной информацией о сроках вступления СССР в войну и о том, произойдет ли это вообще.

Судя по всему, ни руководство загранучреждения, ни старший, ни тем более, младший дипсостав не ставились в известность о соглашении, подписанном в Крыму 11 февраля. Косвенно это подтверждает, что в переписке загранпредставительства перед центром поднимались организационные и материально-бытовые вопросы «на перспективу», не предполагавшие радикальных перемен в отношениях двух стран в самое ближайшее время. Речь шла о замене новых сотрудников (как дипломатических, так и технических, включая «нерадивого» повара, которым был недоволен посол), о назначении

нового японского военно-морского атташе в Москве, запрашивались деньги на различные нужды и т. д.

До самого начала военных действий, посольство направляло в Москву почтовые и оперативные сообщения, посвященные насущному для дипломатов вопросу о бомбоубежище на территории миссии. Оно должно было в какой-то мере обезопасить сотрудников от массированных налетов американской авиации, которая широко практиковала ковровые бомбардировки, уничтожая целые города вместе с мирными жителями. В депешах посольства эти бомбежки характеризовались, как «огненный каток».

Часть работников с семьями эвакуировали. Последняя партия в 29 человек отбыла на родину 3 августа. Но многие оставались, включая женщин и детей. Некоторых из них вывезли за пределы Токио и поселили в отеле «Гора» (в курортном районе Хаконэ). Но и там невозможно было спрятаться от бомбежек. Посольство просило Москву связаться с американцами – попросить их не бомбить этот отель и «условиться для этого об условных знаках», которые можно было бы изобразить на его стенах. Это было многоэтажное здание, единственное в том месте, оно бросалось в глаза.

Во время налета в ночь с 25 на 26 мая в результате попадания зажигательных бомб полностью сгорели здание консульского отдела, жилой домик и гараж. Чудом избежало разрушения главное здание посольства, находившееся в пяти метрах от консолдела. Тушить пожар приходилось ведрами, воду зачерпывали из колодца, вырытого на территории посольства. Это пришлось сделать еще раньше, в начале 1945 г., из-за того, что централизованное водоснабжение в японской столице из-за налетов работало со сбоями.

О том, что без бомбоубежища не обойтись, стало ясно уже в конце 1944 г. и вскоре оно было построено японскими инженерами и рабочими. Сохранились его схемы, чертежи. Работа, однако, велась, кстати, не вполне удовлетворительно. Как следует из документов, в январе 1945 г. все сооружение обвалилось, бомбоубежище пришлось переделывать. Я.А. Малик был вынужден просить центр направить в Токио советского специалиста для завершения строительства.

Летом 1945 г. посольство было озабочено укреплением сводов бомбоубежища, которое предполагалось накрыть так называемым «тюфяком» или железобетонной «подушкой». В центр шли запросы о выделении средств и утверждении технических планов для соответствующего строительства. Таким образом, советские дипломаты в Токио не исключали, что им еще долго предстоит жить и трудиться в обстановке повышенной опасности, при воздушных налетах и не представляли, что ситуация очень скоро изменится коренным образом.

8 августа центр информировал посольство о том, что в семь часов вечера этого дня (по московскому времени) В.М. Молотов объявит послу Н. Сато о вступлении СССР в войну. В 23 часа по токийскому времени Я.А. Малику

было поручено передать текст советского заявления премьер-министру Японии К. Судзуки. Одновременно предписывалось уничтожить все секретные документы, включая коды и шифровальные блокноты.

С началом войны посольство и все его сотрудники (их численность, включая членов семей, женщин и детей составляли примерно 40 чел.) были интернированы, их положение резко ухудшилось. Если персоналу японского посольства в Москве (тоже интернированного) разрешалось свободно выходить в город, покупать продукты и прочие необходимые вещи, то советские дипломаты и технические сотрудники держались фактически взаперти. Японцы обещали сами снабжать посольство продовольствием, но в течение трех дней ничего не завозили. Те же продукты, которые потом поставлялись, были низкого качества и не всегда годились в пищу²⁰.

Ситуация улучшилась после 15 августа, то есть после заявления императора о капитуляции Японии. В тот день В.М. Молотов направил на имя Я.А. Малика телеграмму, в которой писал: «горячо поздравляю Вас и всю советскую колонию в Японии с нашей победой над Японией и с достижением полного мира для нашей родины и для всех народов».

Поскольку власть в Японии перешла к американской оккупационной администрации, а с декабря 1945 г., формально посольства зарубежных стран, аккредитованные при прежнем правительстве, утратили правовые основания для своего существования. Однако аппарат советской миссии продолжал работать, пока управление страной с декабря 1945 г. официально не перешло к Союзному совету, в который входил и представитель СССР.

Я.А. Малик 23 августа был назначен В.М. Молотовым советским политическим представителем в Японии, чтобы в этом качестве «встречать союзное командование». Он присутствовал при подписании Акта о капитуляции Японии 2 сентября. Решение о его отзыве было принято 7 сентября. Малик получил указание от В.М. Молотова: «Ваше теперешнее положение весьма неопределенное, поэтому Вам следует немедленно выехать с семьей в Москву. В необходимых случаях объясните, что Вы выезжаете по вызову Правительства для доклада». При этом отдельно подчеркивалось, что сотрудники посольства должны оставаться в Токио и продолжать свою работу.

13 сентября был направлен самолет для эвакуации посла и его семьи.

Отзыв Я.А. Малика объяснялся не только формальными обстоятельствами, поскольку фигура посла была слишком уж заметной. Командующий союзными оккупационными войсками в Японии генерал Дж. Макартур предпочитал общаться не с ним, а с генералом К.Н. Деревянко, который был назначен представителем Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе Макартура и был уполномочен подписать от имени Советского Союза Акт о капитуляции Японии. Деревянко стал первым представителем СССР в Союзном Совете для Японии.

Несмотря на отъезд посла, сотрудники посольства продолжали работать. В их функции входили сбор и анализ информации, защита прав советских граждан, находившихся в Японии (около десяти из них были арестованы в период военных действий, нужно было их срочно освободить), обеспечение контактов различного уровня. Обеспечивались визиты в Японию советских журналистов и литераторов, включая таких известных писателей, как К.М. Симонов и Б.Л. Горбатов.

В связи с работой журналистов поначалу имелись сложности с американской администрацией. 13 сентября 1945 г. Генеральный директор ТАСС Н.Г. Пальгунов сообщал заместителю наркома иностранных дел Вышинскому о том, что два корреспондента ТАСС получили отказ от штаба Макартура в просьбе о возобновлении своей деятельности. Им было сказано, что «в Японии сейчас имеется достаточно американских журналистов для того, чтобы мир имел объективную информацию о происходящих в Японии событиях»²¹. Но, благодаря усилиям посольства проблемы эти были решены и советские журналисты смогли нормально работать в стране.

В числе задач, выполненных советским посольством в Японии осенью 1945 г., одна имела для СССР чрезвычайно важное научное, политическое и военное значение. Она заключалась в обследовании мест атомных бомбардировок. В архиве сохранился отчет о поездке туда сотрудников посольства в середине сентября 1945 г., расписанный Молотовым Сталину, Берии, Микояну. Этот некогда совершенно секретный документ назывался: «Атомная бомба. Материалы о последствиях применения атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки, свидетельства очевидцев и данные японской прессы»²².

Содержание этого в свое время строго секретного отчета без преувеличения потрясает и лишний раз убеждает в том, что уничтожение двух крупных японских городов были акциями, направленными против мирного, гражданского населения, это были масштабные акции устрашения. Их цель заключалась также в демонстрации ядерной мощи Соединенных Штатов, в первую очередь – Советскому Союзу.

В Хиросиму и Нагасаки выехали две группы советских работников, среди которых находились корреспондент ТАСС Варшавский, и.о. военного атташе подполковник Романов и переводчик аппарата морского атташе Кикенин и кинооператор. В отчете они изложили свои личные впечатления, а также свидетельства очевидцев и фрагменты из газетных статей.

Прибыв в Хиросиму, советские наблюдатели увидели, что «город представляет из себя выжженную равнину с возвышающимися 15-20 остовами железобетонных зданий»²³. Японцы, пережившие атомную бомбардировку, рассказывали о происшедшем:

«В небо поднялся столб белого дыма, в центре его находился огненный столб, красный как кровь... Весь город Хиросима, диаметр площади которого равен 8 км, был объят огнем... Толпы бежавших с места пожара, напоминали

толпы мертвецов, пришедших с того света... По всему городу шел смрадный дым от сгоревших трупов... У убитых вываливались внутренности...»²⁴.

Не менее тяжелое впечатление производил разрушенный Нагасаки:

«В ближайшем к разрыву бомбы районе никого не осталось в живых... Атомная бомба... упала в районе университетского госпиталя... Остов госпиталя сохранился. Все больные вместе с обслуживающим персоналом, врачами и директором погибли... В районе падения бомбы сильный трупный запах: много трупов еще не убрали из-за развалин и пожарища... Были случаи, когда дети сидели на деревьях и оставались в живых, а те, кто неподалеку играл на земле, погибли»²⁵.

Спустя год Хиросиму и Нагасаки посетил сотрудник советского представительства при Союзном Совете В.А. Глинкин. Его рассказ – еще один документ, наглядно иллюстрирующий варварскую атомную бомбардировку и свидетельствующий о том, что жертвами ее стало, в основном, мирное население. Например, отметил Глинкин, находившийся в Нагасаки подземный оружейный завод концерна Мицубиси, совершенно не пострадал²⁶.

Поездки в зоны поражения в Хиросиме и Нагасаки были актами большого мужества. Люди, отправлявшиеся туда, выполняли свой профессиональный долг, ставя под угрозу свое здоровье. Многие из них пострадали от радиации.

Окончание Второй мировой войны на Дальнем Востоке – тема, которая еще долго будет сохранять свою актуальность, порождая полемику в научных и общественно-политических кругах, различные интерпретации событий того времени. Их добросовестность во многом зависит от прочтения и осмысления документальных источников, которые позволяют воссоздавать объективную картину прошлого.

¹ АВПРФ. Ф. 06 «Секретариат В.М.Молотова», д. 387, п. 28, л. 8.

² АВПРИ. Ф. 06 «Секретариат В.М.Молотова», д. 381, п. 28, л. 42.

³ АВПРИ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 30, д. 13, п. 280, л. 210.

⁴ А.А.Кошкин. Нейтралитет по-японски // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М., 2010. С 37.

⁵ С.Л.Тихвинский. Советско-японский Пакт о нейтралитете 1941 г. // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. С.69.

⁶ АВПРФ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 29, д.4, п. 289, л.???

⁷ АВПРФ. Ф. 06 «Секретариат В.М.Молотова». Оп.5, д.436, п.36, л.1-34.

⁸ АВПРФ. Ф. Референтура по Японии. Оп.29, д.6, п.269, л. 31.

⁹ АВПРФ. Ф. Референтура по Японии. Оп.29, д.4, п.269, л.

¹⁰ АВПРФ. Ф. Референтура по Японии. Оп.29, д.6, п.269, л. 21, 27.

¹¹ АВПРФ. Ф. Референтура по Японии. Оп.29, д.6, п.269, л. 21, 27.

¹² АВПРФ. Ф. Референтура по Японии. Оп.29, д.6, п.269, л. 21.

¹³ АВПРФ. Ф. Референтура по Японии. Оп.29, д.6, п.269, л. 21.

¹⁴ В.П.Сафронов. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931-1945 гг. М., 2001. С. 303.

- ¹⁵ АВПРИ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 30, д. 13, п. 280, л. 76.
¹⁶ АВПРИ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 30, д. 13, п. 280, л. 88.
¹⁷ АВПРИ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 29, д. 6, п. 269, л. 14.
¹⁸ Там же, лл. 10-11, 14.
¹⁹ АВПРФ. Ф. 06 «Секретариат В.М.Молотова». Оп. 7, д. 898, п. 55, л. 7.
²⁰ АВПРФ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 29, д. 6, п. 269, л. 57.
²¹ АВПРФ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 29, д. 28, п. 271, л. 6.
²² АВПРФ. Ф. 08. Оп. 7, д. 96, л. 1.
²³ Там же, л. 6.
²⁴ Там же, лл. 7-9.
²⁵ Там же, лл. 8-9.
²⁶ АВПРФ. Ф. «Референтура по Японии». Оп. 30, д. 13, п. 290, л. 171.

А. ИМАМУРА

Генеральный консул Японии
в г. Южно-Сахалинске,
Япония

70 ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ: УРОКИ ЯПОНИИ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Уважаемые дамы и господа! Прежде всего, хочу поблагодарить вас за приглашение на эту конференцию и возможность сделать доклад. Я хочу представить вам точку зрения Японии, как мне представляется, по поводу уроков, полученных в результате Второй мировой войны, политики «активного пацифизма», а также послевоенного примирения.

1. Полученные Японией уроки

Прошло 70 лет после окончания войны, которая нанесла наибольшие разрушения в человеческой истории. Япония усвоила много уроков, глубоко раскаиваясь в этой войне, поставившей под вопрос само существование нации, и которая нанесла большие разрушения другим странам, в особенности, азиатским. Как результат, Япония отказалась от угроз силой и ее применения, как средства разрешения международных конфликтов, и четко заложила это в свою конституцию. Второй урок – это необходимость реформирования государственного строя, который привел нас к войне, и возрождение демократии. Была обеспечена свобода слова, возобновилась деятельность независимых СМИ. Японский народ приветствовал и горячо поддерживал демократизацию. Один из уроков, которые Япония выучила в этом процессе, была важность верховенства права. Хочу еще раз позже обратиться к этому принципу, особенно его применения в международном сообществе.

Мировое сообщество решило великодушно принять перерожденную в мирное государство Японию. Подписанный Японией и союзными дер-

